

ГАТЧИНА И ГАТЧИНЦЫ В ВЕЛИКОЙ ВОЙНЕ (1914 – 1918)

Очерк шестнадцатый

1918 год
(окончание)

Арест писателя Куприна

2 июня в городе узнали об аресте жителя Гатчины, писателя Александра Ивановича Куприна (1870 – 1938). Слухи о причинах ареста, а также о том, куда увезли задержанного, ходили самые разные. И вот, 3 июня 1918 года, в газете «Петроградский листок» появилась статья, объясняющая причины ареста писателя и рассказывающая об условиях его заключения.

Причиной ареста Куприна послужила его статья в закрытой газете «Молва». Куприн назвал эту статью «Михаил Александрович». Писатель уже некоторое время разрабатывал большую тему, предполагая создать нечто вроде исторического романа, посвящённого нашей армии до Революции.

В качестве одного из действующих лиц Куприн избрал фигуру отказавшегося от Престола Великого Князя Михаила Александровича. Постоянный обыватель Гатчины, писатель имел возможность наблюдать жизнь Великого Князя.

Статья, по словам близких писателя, являлась несколькими страницами из будущего труда Куприна. Александр Иванович использовал статью в печати по совету друзей.

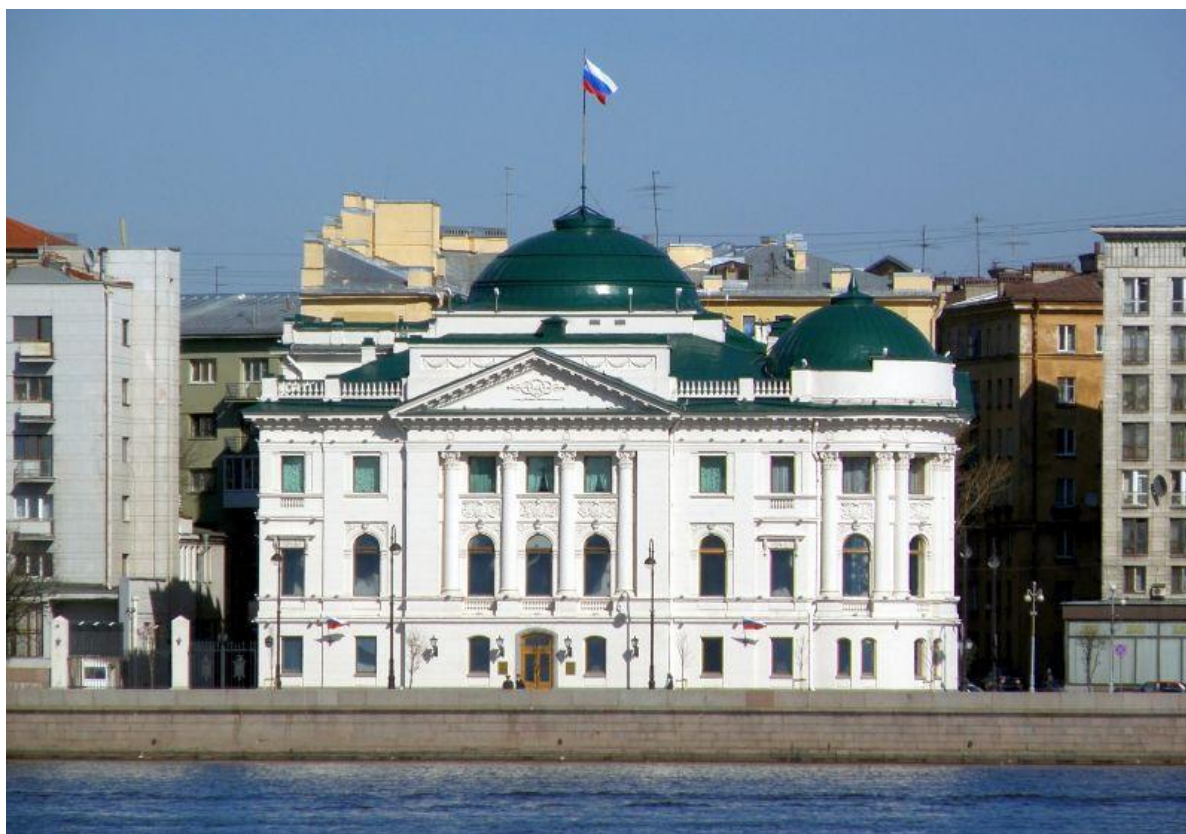
Арестованного Куприна доставили в Петроград во дворец бывшего Великого Князя Николая Николаевича, где в это время размещалась Следственная комиссия при Революционном трибунале. Ныне в этом здании на Петровской набережной, 2 находится резиденция Полномочного представителя Президента Российской Федерации в Северо-Западном федеральном округе.

«Камеру» писателю отвели в нижнем этаже дома. Это была большая светлая комната с тремя окнами, выходящими на Неву.

Далее предоставляю слово журналисту «Петроградского листка» Н. М.:

«... Куприн с книжкой в руках сидит один у раскрытого окна и наблюдает движение пароходов на Неве, любуется зеленью Летнего сада.

– Я сильный человек, – говорит Александр Иванович, – но второй день неволи уже страшно утомил меня. Был один допрос, сегодня будут снова допрашивать. Хотелось бы поскорее увидеть моё преступление.

Писатель отмечает крайне внимательное отношение со стороны служащих в карауле.

– Я замечаю какой-то перелом в революционной демократии. Куда-то исчезло прежнее озлобление, проявляются опять природные свойства русской души: доброта, чуткость, своеобразная «жалость к несчастеньким».

Старшие чины любезны, но строго формальны.

Особенно доволен он столом.

– Помилуйте, – оживился арестованный, – принесли мне громадную миску щей с мясом, тарелищу гречневой каши, ломоть хлеба.. Предлагают прибавки к обеду. Из всех категорий в смысле питания лучше всего категория «арестованных». А всё-таки как меня – волка не корми, а на волю хочется, до боли, до слёз тяжело в заключении».

3 июня Куприна вновь допросили. Выяснилось, что писатель лично никогда не был знаком с Михаилом Александровичем Романовым. Единственной связью между домами Куприна и Романовых в Гатчине была француженка Рабре, дававшая уроки детям Куприных и Михаила Романова.

Все сведения о Великом Князе Куприн получал от военных и от гатчинских обывателей. Писатель объяснил, что образ «джигита Миши» в статье – не реальная фигура, а результат художественной интуиции автора.

«Какую цель преследовали вы своим фельетоном? – спросили Куприна на допросе.

– Я имел в виду предупредить ряд лиц, цепляющихся за Михаила, как за монарха. Своим фельетоном я хотел показать, что он совсем не подготовлен к такой роли. Мне не хотелось, чтобы Михаил был вовлечён в политику и безвинно погиб. Не моя вина в том, что, по мнению Следственной комиссии, мой фельетон, по-видимому, сыграл как раз обратную роль».

В тот же день Куприну разрешили свидание с женой. Елизавета Морицовна, сразу по аресте мужа приехавшая за ним в Петроград, нашла приют в семье Петра Мосевича Пильского, который сам незадолго до описываемых событий был арестован за свой фельетон в той же «Молве». Пильский, известный прозаик, литературный и театральный критик, был автором статей о русских писателях, в т. ч. и о Куприне.

4 июня Куприна освободили под подписку о явке в суд. Писатель уехал в Гатчину. За дни заключения он вынес много впечатлений. В кругу друзей он вспоминал:

«Новый быт, оригинальные нравы, оригинальные типы. Если бы не тревога, что меня желают обвинить в том, о чём я и не думал, я свой арест считал бы даже интересным».

Действительно, на фоне происходивших в стране репрессий арест Куприна выглядел, казалось бы, просто пустяком. Но, отпустив комплименты по адресу благожелательности служащих Следственного комитета, писатель, как мудрый человек, ни на миг не забывал, что безжалостная машина репрессий может вновь наехать на него, причём гораздо серьезнее, чем ранее. Поэтому, вернувшись в Гатчину, Куприн старался жить тихо, ни во что не вмешиваясь, а занимаясь лишь творчеством, семьёй и домашним садом-огородом. Семейная идиллия прервалась в октябре 1919 года, когда Гатчину заняли войска армии Юденича. Но это уже другая история.

Высылка протоиерея Калачёва

Почти одновременно с арестом писателя Куприна из Гатчины был выслан в Ярославскую губернию протоиерей Александр Александрович Калачёв (1862 – 1938), настоятель церкви и законоучитель Гатчинского Реального училища.

Батюшке вменили в вину то, что он, несмотря на запрещение властей, продолжал преподавать Закон Божий. Советскую власть раздражало также образцовое Попечительство о бедных, устроенное и руководимое Калачёвым.

О протоиерее Калачёве написано в нескольких моих книгах и статьях в Интернете. Но нелишне будет напомнить, что батюшка долгие годы был другом Куприна, участником встреч в доме писателя на Елизаветинской улице.

Почти одновременно покинув на время Гатчину в июне 1918 года, Куприн и Калачёв потом возвратились в неё. Но им уже не суждено было встретиться.

Вернувшись из ареста в Гатчину, Куприн уже не застал там батюшку. В свою очередь, когда протоиерей Калачёв возвратился летом 1920 года из ссылки, в Гатчине уже не было Куприна, покинувшего город 3 ноября 1919 года с отступающей армией Юденича.

Однако дружба протоиерея и писателя продолжалась. А.И. Куприн переписывался с батюшкой из своего зарубежного далёка.

В 1937 году Куприн вернулся в СССР из эмиграции. Он поселился в Ленинграде, побывал и в Гатчине. В тот год протоиерей Калачёв и писатель Куприн могли встретиться в нашем городе, который звался Красногвардейском. Но свидетельств о такой встрече не найдено.

В 1938 году оба, Калачёв и Куприн, скончались. Смерть их была тяжёлой. Протоиерея Калачёва в феврале арестовали, обвинили в контрреволюционной деятельности и расстреляли в Ленинграде. Куприн скончался тоже в Ленинграде, но это произошло 25 августа по причине длительной и мучительной болезни.

ВЛАДИСЛАВ КИСЛОВ